

Олег Федосов

Глагол *вступить* во фразеологическом времени и пространстве

*Абрам (гордо): «Сара, я вступил в партию!»
Сара: «Ой, Абрамчик! Вечно ты куда-то вступаешь!»
Вчера в дерьмо, сегодня – в партию».*

Наше исследование посвящено коллокациям с русским глаголом *вступить* (*вступать*). При этом коллокации современного русского языка с одним, «произвольно» выбранным глагольным компонентом будут интересовать нас прежде всего в той мере, в какой они позволят сформулировать некоторые общие проблемы, касающиеся коллокаций вообще.

Глагол *вступить/вступать* является одним из самых активных коллокаторов современного русского языка. Устойчивые словосочетания с участием этого глагола, коллокации, которые мы вслед за многими учеными (см. напр. Баранов-Добровольский 2008: 67) можем считать слабоидиоматичными фразеологизмами, часто несут в себе стандартные временные смыслы ‘начала’, возникновение какого-нибудь действия: *вступить в войну / вступить в бой* (начать воевать/биться) / *вступить в спор* (начать спорить) / *вступить в разговор* (начать разговаривать) / *вступить во владение чем-нибудь* (стать владельцем) и т.д. Вместе с тем ясно, что темпоральное значение этого глагола-коллокатора, имеющего древние корни и общеславянские параллели, является производным от исходного значения локального: ‘войти / въехать куда-л.’ (БТС 2004: 162). В настоящей статье на материале НКРЯ (ruscorpora.ru) мы попытаемся проследить за частными случаями выбора коллокатора (глагола) в процессе узуализации коллокаций, и задуматься над вопросом, в какой степени семантика коллокатора (темпорально-локальная) влияет на эти процессы.

Коллокации (несвободные, устойчивые словосочетания) в современной лингвистике принято рассматривать как слабоидиоматичные фразеологизмы, в которых семантически главный компонент (база) употреблен в своем прямом значении, а сочетаемость со вспомогательным компонентом

(коллокатором) хотя и задается в терминах семантического класса, но выбор конкретного слова-коллокатора предопределяется узусом.

Таким образом, считается, что выбор коллокатора определяется базой, а выбор базы зависит преимущественно от коммуникативного намерения говорящего. Для русского языка это обычно иллюстрируется такими выражениями, как: проливной [коллокатор] *дождь* [база], *принимать* [коллокатор] *решение* [база], *зерно* [коллокатор] *истины* [база], *ставить под* [коллокатор] *сомнение* [база], *топорная* [коллокатор] *работа* [база], *трескучий* [коллокатор] *мороз* [база].

Здесь необходимо сделать замечание по поводу того, как нами понимается рабочий термин «несвободное» или «устойчивое словосочетание». Отличие «устойчивого словосочетания» от т.н. «свободного словосочетания» не всегда просто установить, особенно если учесть и имеющееся в современной лексикологии мнение (многократно высказанное, например, пражским лингвистом Ф.Чермаком), что полностью свободных словосочетаний в языке нет и быть не может. Сторонники данного подхода исходят из того, что законы синтагматики и парадигматики лексикона предполагают: если две лексемы данного языка вообще способны вступать в контакт (т.е. создавать приемлемое для данного языка сочетание слов), то эти элементы лексикона взаимно компатибельны, а значит, и созданное ими сочетание не может считаться полностью «свободным».

Значение слова свободный здесь соответствует словарному толкованию: ‘не стесненный запретами; не ограниченный строго определенными нормами, правилами, формами’ (БТС 2004: 1161).

Если же законы (правила, нормы) синтагматики и парадигматики лексикона всегда ограничивают (стесняют) слово в выборе коллокационного партнера (**писать суп* и **варить письмо* иллюстрирует неприемлемость партнерства), то полной свободы сочетаемости, конечно же, быть не может. Менее радикальный подход к пониманию свободы или устойчивости словосочетаний представлен, например, в работах А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, где выделяются прежде всего структурный (ограничения на трансформируемость, дефектность парадигмы и пр.) и узуальный («социальный») аспекты устойчивости:

Узуальный аспект устойчивости проявляется в регулярном воспроизводстве некоторого словосочетания носителями языка. Структурный аспект устойчивости не является обязательным, но структурные

факторы усиливают устойчивость в сочетании с первичной узуализацией. (Баранов-Добровольский 2008: 51)

Авторы также высказывают следующее мнение:

По-видимому, в рамках лингвистики невозможно с определенностью выявить истинные причины формирования устойчивых оборотов. Чаще всего причины устойчивости носят экстралингвистический характер. (Там же)

В. Н. Телия, посвятившая много работ проблематике коллокаций, считала, что феномен связанного значения остается «семантической загадкой», а сама эта категория нуждается «если не в полном пересмотре, то по крайней мере – в развенчании ряда лингвистических мифов» (Телия 1995: 25).

Проблему выяснения онтологического статуса коллокаций (основанных именно на факте связанного значения), выяснения того, что именно «связывает» это значение в «слабоидиоматичные фразеологизмы», В.Н. Телия видела в трех ракурсах:

исторически сложившийся узус воспроизведения рядом определенных слов, внутрисистемные закономерности **развития значения** или **знание** носителей языка о **свойствах** обозначаемых им внеязыковых объектов. (Там же – выделено нами: О.Ф.)

Иначе говоря, если А.Пушкин в «Пиковой даме» вместо современной коллокации *возлагать надежды* мог написать *полагать надежду* (и это очевидно совсем не коробило слух его современников) – то речь здесь идет о сдвиге узуса. Если в коллокации *зерно истины* у коллокатора *зерно* предметно-конкретное значение ‘семя злаков, растений’ со временем развивается в абстрактное значение ‘исходное начало, ядро чего-либо’ (БТС 2004: 364), то речь идет о семантической деривации, а если носителю русского языка сказать, что это *топорная работа*, то его энциклопедические знания о внеязыковых свойствах артефакта топор позволят ему догадаться, что речь идет о грубой, неискusstvenной работе, а *топорная шутка* – это неделикатная, грубая шутка (БТС 2004:1332) и т.д.

Со времени написания В.Н.Телия цитированной работы прошло ровно 20 лет, и как мы хорошо знаем, именно эти 20 лет стали периодом стремительного развития корпусной лингвистики в мире вообще и в славянских странах в частности. Изучению коллокаций разного типа по данным корпусов посвящена уже масса отдельных работ и целых проектов в славянских и неславянских странах. Однако, подчас кажется, что во

фразеологическом времени и пространстве этот воз и ныне там, как гласит крылатое выражение из басни А.Крылова.

Наше мнение о состоянии изученности коллокаций мы можем проиллюстрировать в некой полемике с авторами Словаря глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка (О. Л. Бирюк, В. Ю. Гусев, Е. Ю. Калинина). На сайте <http://dict.ruslang.ru/> размещены экспериментальные словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка с участием сотрудников Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

В Инструкции по пользованию словарем глагольной сочетаемости непредметных имен мы читаем:

Прежде, чем мы перейдем к описанию структуры и функций словаря, следует сделать несколько вводных замечаний о характере сочетаемости в языке. Сочетания языковых элементов (в том числе, глаголов с существительными) могут принадлежать к одному из трех основных типов в зависимости от того, насколько жестко связаны между собой элементы словосочетания. Сочетания, где ключевое слово потенциально может сочетаться с любым словом той или иной части речи, принадлежат к типу свободных сочетаний. Например, глагол *купить* потенциально способен сочетаться с любым существительным – *купить*, грубо говоря, можно все, начиная от очевидных артефактов (одежды, мебели, техники) и заканчивая абстрактными сущностями, такими, как *любовь* или *вдохновение*. (<http://dict.ruslang.ru/>)

Простая языковая интуиция нам подскажет, что приведенное в Инструкции утверждение не всегда соответствует действительности. Например, вряд ли кто из носителей русского языка скажет: **купить насморк / геморрой / рак печени* и т.д. Данные НКРЯ это подтверждают: на запрос «*купить* на расстоянии 1 от *геморрой*» корпус сообщает: *По этому запросу ничего не найдено*.

Но вот с другим глаголом (*нажить*) существительное *геморрой* прекрасно сочетается по крайней мере последние два века:

Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да *нажил геморрой* в поясицу. (Н. В. Гоголь. Шинель, 1842)

Мирного аптекаря, благополучно *нажившего геморрой* у своих бутылочек, обвинили в том, что он где-то когда-то зачем-то убил польского офицера и выходит он поэтому пособником большевиков. (И. Э. Бабель. Статьи в газете «Красный кавалерист», 1920)

Таким же образом и слово насморк имеет в русском языке постоянного партнера:

Хоробрых притворно удивлялся и расспрашивал, где она могла *схватить насморк*. [К. Г. Паустовский. Кара-Бугаз (1932)]

Далее в Инструкции авторы пишут:

На другом полюсе находятся фразеологизованные сочетания, идиомы – например слово «баклуши» сочетается только с глаголом *бить*, а глагол *наплакать* фактически встречается только с существительным кот («Денег – кот наплакал»). Между данными двумя крайними типами находится тип так называемых коллокаций, несвободных сочетаний, к идиомам не относящихся: с одной стороны, ключевое слово этих сочетаний может появляться в контексте разных языковых единиц, с другой стороны эти единицы, составляющие контекст ключевого слова, можно перечислить в виде закрытого списка. Рассмотрим существительное «пример»: оказывается, что данное существительное сочетается с ограниченным числом глаголов: так, говорят «брать пример», «давать пример», «показывать пример», но нельзя «демонстрировать пример», хотя глагол *демонстрировать* и синонимичен по смыслу глаголу *показывать*. Таким образом, сочетания со словом «пример» относятся к классу несвободных, но не могут считаться фразеологизмами (<http://dict.ruslang.ru/>).

И с этим утверждением можно поспорить: например, выражения *брать / взять пример с кого, чего; подавать / подать (показывать / показать) [хороший] пример; ставить / поставить в пример кого кому* с полным основанием – по нашему мнению – включены в словник большого Русско-чешского фразеологического словаря (Степанова 2007: 588). Основанием для этого нам видится очевидный факт, что, например, глагол *ставить* в своих обычных, стандартных значениях (см. БТС 2004: 1258) – а их от исходного прямого ‘1. придавать чему-л. стоячее положение’ до переносного ‘14. расценивать каким-н. образом’ у этого глагола немало (14!) – никак не предсказывает возможность идиоматической сочетаемости в массе таких общеизвестных фразеологизмов, как: *ставить во главу угла / на вид / под вопрос / под удар / на одну доску / знак равенства* и др.

Итак, на вид два простейших случая устойчивой сочетаемости (с глаголом *купить* и с существительным *пример*) ставят нас перед рядом неразрешенных вопросов.

Прежде чем проанализировать коллокации с глаголом *вступить*, рассмотрим случай с другим глаголом русского языка: это глагол *впадать /*

впасть. Он является достаточно типичным примером частотного коллокатора в русском языке. Базовая семантика этого глагола прозрачна и доступна для понимания любому носителю языка: мы могли бы назвать это некой «семантикой переосмысленной гравитации» корневого глагола *падать*.

В ряду однокоренных русских глаголов *падать* / *пасть* – *выпасть* – *запасть* – *перепасть* – *припасть* – *отпасть* – *упасть* ... (многие из них являются компонентами идиом: от *выпасть в осадок до яблоку негде упасть*) глагол *впасть* заинтересовал нас по следующей причине. В.В.Виноградов в одной из своих работ писал:

Глагол *впасть* характерен тем, что его прямое номинативное значение устарело и вышло из употребления (ср. древнерусск. *впасть в яму, ров и т.п.*). [...] Другое значение глагола *впасть*, также фразеологически связанное, но вместе с тем и **конструктивно обусловленное – полувспомогательное** (выделено нами – О.Ф.): ‘начать испытывать какое-нибудь состояние (тягостное, предосудительное)’ или ‘проявлять признаки чего-нибудь (расцениваемого отрицательно)’: *впасть в бешенство, в отчаяние, в сомнение, в грусть, в тоску, в бедность, в ничтожество, в ересь, в противоречие, в шарж, в крайность, в пошлый тон* и т.п. (Виноградов 1999: 859).

Основатель российской фразеологической науки не случайно закончил список коллокаций глагола *впасть* сокращением «и т.п.»: список коллокаций, как показывают данные НКРЯ, можно продолжить многими примерами. Ниже мы не будем приводить развернутые цитаты из корпуса, а выделим лишь обнаруженные в нем словосочетания с глаголом *впасть*. Оказалось, что русский язык допускал ранее и допускает сегодня (примеры датируются примерно с 1810-го по 2010-й год) и следующие выражения: *ВПАСТЬ в болезнь / долги / обморок / ярость / зависимость / немилость / в кому / раздражение / анабиоз / спячку / ошибку / забытьё / шок / столбняк / онемение / зверское состояние* и т.п.

Вот примеры достаточно неожиданной (очевидно, не-узуальной) сочетаемости:

Немец деньги свои употребляет на материал или товар, а русский на водку и другие удовольствия, отчего *впадает в долги* и кончает тем, что, пропивая вещи, теряет через это работу, или, как выражаются портные, давальцев. (Ф. М. Решетников. Где лучше?, 1868)

После первой бутылки водки он *впал в монолог* ... (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого, 2000)

... человечество *впало* в совершенно ложные *представления* о своём прошлом. (А. А. Зализняк)

Если выражение *впасть в долги* рядом с нормативным (с конца 18-го – по начало 20-го веков) выражением *войти в долги* сегодня уже никто не признает узуальным (современной нормой является коллокация *влезть / залезть в долги*), то оспаривать компетентность в выборе «базы» при «коллокаторе» писательницы Л. Улицкой и акад. А. А. Зализняка вряд ли кому придет в голову: эти сочетания нельзя считать устойчивыми, но они приемлемы и «не коробят» нашего слуха.

Значение глагола *впасть* в устойчивых фразеологических сочетаниях В. В. Виноградов охарактеризовал как полувспомогательное (см. выше). Если мы проанализируем приведенные выше списки «базовых компонентов» при данном глаголе-коллокаторе, то обнаружим, что списки этих, главным образом непредметных существительных не поддаются простой семантической классификации по какому-то определенному признаку. Отмеченные В. В. Виноградовым значения: ‘начать испытывать тягостное, предосудительное состояние’ (*впасть в бешенство*) или ‘проявлять признаки чего-нибудь, расцениваемого отрицательно’ (*впасть в пошлый тон*) явно не распространяются на большинство обнаруженных в НКРЯ примеров. Часть словосочетаний можно объединить признаком ‘болезнь / аномальное физическое или психическое состояние’: ВПАСТЬ *в болезнь / обморок / в кому / анабиоз / спячку / забытьё / шок / столбняк*, при этом трудно назвать подобные состояния «предосудительными». Типичные для выражения лексической функции Antipon выражения типа *тяжелое впечатление, тлетворное влияние* сильно отличаются по смыслу от наших коллокаций. Другая часть выражений вообще с трудом поддается какой-либо узкой семантической спецификации: ВПАСТЬ *в ярость / зависимость / немилость / онемение / зверское состояние ... монолог / представления... и т.п.*

И список из работы В. В. Виноградова, и наш список из примеров НКРЯ, однако, не дает никаких оснований для вывода, насколько узуальны, устойчивы, частотны данные словосочетания, несмотря на то, что В. В. Виноградов пишет об их «фразеологически связанном» характере. Мы склонны скорее видеть в данных выражениях (оставив в стороне вопрос об их фразеологическом статусе) некую модель, где «базой» являются не входящие в нее существительные с достаточно «пестрой» семантикой, а сам глагол *впасть* с валентностью предложного аккузатива *во что*. В связи с этим под сомнение ставится его полувспомогательный (см. выше) характер. Надо заметить, что более или менее устойчивые словосочетания с глаголом *впасть* являются, естественно, лишь отдельным,

частным случаем глагольно-именных коллокаций русского языка. Тем не менее мы считаем, что вопрос о том, какой из членов данных коллокаций является в них «семантически опорным», весьма спорен: семантика глагола достаточно своеобразна, индивидуальна, и это дает основание считать, что именно глагол играет в данных коллокациях основную, активную, а не вспомогательную роль.

В качестве доказательства можно привести пример коллокации, употребление которой становится активным, очевидно, только в самом конце 20-го века (по данным НКРЯ с 1996-го года): *впасть в маразм*. Возможно, что на узуальность коллокации повлияла ассоциация с другим (уже словарно зафиксированным) нео-фразеологизмом: *маразм крепчал* (образованным как каламбурное обыгрывание штампа *мороз крепчал* – см. НРФ 2003: 55). Глагол *впасть* как бы «сам себе выбрал» нового партнера на основе уже существующей модели:

Так и я не говорила, что эта конкретная бабушка Медуницы *впала в маразм!* (форум, 2008)

Впавшие в маразм старухи не отличались особой прытью. (М. Елизаров. Библиотекарь, 2007)

Казалось бы, Путин, в отличие от *впавшего в маразм* Ельцина, не должен забывать, что в России, кроме двух его дочерей, есть еще дети. (А. Головенко. Джульетту гонят на панель // «Завтра», 2003.04.23)

И именно в этот момент Америка говорит о «Старой Европе» (читай, *впавшей в маразм*), и новой молодой Европе. (С. Лурье. Мир, который «строит» Джордж (2003) // «Спецназ России», 2003.03.15)

Нервно куря сигарету за сигаретой, 60-летний певец объяснял журналистам: «Нет, я не сбрендил и *не впал в маразм*. (Николай Климонтович. По ту сторону (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.20)

Таким образом, возникновение новых коллокаций в языке может быть мотивировано активностью существующей модели, основанной на свойствах глагола-коллокатора, а не «опорного» существительного-базы.

Глагол *вступить* / *вступить* во времени и в пространстве

Глагол *вступить* явно уступает глаголу *впасть* по степени «образности» и эмотивности внутренней формы. Считается, что коллокации с этим глаголом можно описать и в рамках теории лексических функций по И.А.Мельчуку:

Стандартные смыслы ‘начало’, ‘конец’, ‘каузация’, ‘ликвидация’ имеют точное соответствие среди лексических функций Incept, Fin, Caus, Liq, ср. *вступить в войну* (нач. Incept), *выходить из игры* (конч. Fin), *разжигать ненависть* (кауз. Caus), *убивать надежду* (ликв. Liq). Совпадение объясняется тем, что данные функции связаны с семантикой и поэтому выделяются и по определению лексических функций, и по определению стандартных смыслов. (Борисова 1990: 98)

Считается также, что коллокации с глаголом *вступать* несут в себе регулярные, повторяющиеся стандартные временные смыслы ‘начала’, возникновения какого-нибудь действия:

Вступить в бой (начать биться) / *вступить в спор* (начать спорить) / *вступить в разговор* (начать разговаривать) / *вступить в действие* (стать действующим) / *вступить во владение чем-нибудь* (стать владельцем, собственником чего-нибудь; официальное) / *вступить в права* (начать пользоваться каким-нибудь правом) / *вступить в конфликт* (начать спорить, враждовать) и т.п.

Из примеров видно, что семантика глагола *вступать* (выражение начала действия, начала процесса) не «стерта до неузнаваемости», как можно было бы судить по встречающимся иногда описаниям глагольного компонента как «опустошенного, стертого» и т.п.

При описании коллокаций принято также объединять некоторые из их в «триады»:

Существительные, сочетаясь с глаголами различных смысловых полей, входят в определенные лексико-семантические группы (фразеологические парадигмы), например: *бросить (сажать) в тюрьму – держать в тюрьме – выпустить из тюрьмы; приводить в состояние – находиться в состоянии – выводить из состояния* и т.п. (Дерибас 1979: 6).

В нашем случае это должна быть триада-парадигма *вступать в войну* (Incept) – *вести войну* (Dur) – *выйти из войны* (Fin).

Однако, такие схемы не дают ответа на вопрос, почему «за бортом» этих стройных триад остается слишком много не вписывающихся в них членов группы, коллокации которой строятся на основе той же «базы»: *внушать надежду, выразить надежду, возлагать надежды, обманывать надежды, убивать надежду, оболгать надеждой, тешить надеждами себя* и др.

Напомним основной принцип выделения коллокаций во фразеологии. Например, в известном проекте Фразеография в Машинном фонде русского языка пишется:

В пакет «Устойчивые словосочетания» были отнесены фразеологизмы, в которых один компонент выбирается в ходе формирования речи на основе его свободного значения, а второй – в зависимости от выбора первого компонента. (Борисова 1990: 89)

По определению считается, что основным, базовым компонентом в глагольно-именных сочетаниях является существительное в своем свободном значении.

Рассмотрим следующие примеры из НКРЯ (здесь мы снова опустим развернутые цитаты): *вступить в войну / бой / сражение / битву / стычку / драку / потасовку*.

Первую в списке коллокацию можно считать основной для данной группы существительных (это подтверждает и ее самая высокая частотность в НКРЯ). По хронологии примеров можно судить о том, что эта коллокация употребима в русском языке по крайней мере последние 300 лет:

[...] каковое удобство было бы сему, нечаянным нападением возбужденному, воспрянув от сна, драться с готовым и, ничего имея в руках, войти в бой с вооруженным, – так удобно было, по моему мнению, России *вступить в войну* с силою шведскою. (архиепископ Феофан (Прокопович). Слово о состоявшемся между империею Российскою и короною Шведскою мире, 1722)

США *вступили в войну*, Буш решил внести свой вклад в военные усилия страны. (В. В. Шилов. Ванневар Буш (2004) // «Информационные технологии», 2004.11.29)

Очень близкое к нему значение имеет коллокация с тем же «базовым» существительным, но с другим глаголом:

Но если поляки станут защищать его, — сказал князь Иван Михайлович Воротынский, — тогда может завязаться драка; Польша вступится, и мы *вяжемся в войну*, не имея главы! (Ф. В. Булгарин. Димитрий Самозванец, 1830)

Первую мировую, практически выигранную, большевики сдали немцам, чтоб удержаться у власти. Позорный Брестский мир. – В первую Россия *вязалась* сама!!! (интернет-форум (2015): <http://www.nowaygazeta.ru/politics/68655.html>)

Как и при сравнении глаголов *вступить* и *впасть*, здесь можно отметить более сложный семантико-прагматический характер глагола *вязаться*

на фоне значения коллокатора *вступать*. Сравнение это нам нужно для иллюстрации факта, что глагол (в последнем примере: *ввязаться*) может самостоятельно замещать всю устойчивую коллокацию даже в случае контекстуального эллипсиса самого базового слова (здесь: *война*).

Носитель языка опирается не только на свое знание данной конкретной коллокации (*ввязаться в войну*), но и на активное владение целой моделью (заметим: существующей в русском языке, очевидно, уже на протяжении нескольких столетий), по которой строятся приемлемые и для современного русского языка словосочетания: *вступать // ввязаться в войну / бой / сражение / битву / стычку / драку / потасовку*. Сравним примеры, обратив внимание на хронологию:

Какое, например, побуждение заставило вас *вступить в драку* с младшим кондуктором? (А. И. Куприн. Путаница, 1897)

Это был, видимо, талант кошки, которая, прежде чем *вступить в драку*, меряется силой вопля. (Людмила Петрушевская. Незрелые ягоды крыжовника, 1998)

Лапотное, соломенное государство *ввязалось в драку* с врагом, законным в сталь ... (Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 4, 1928–1935)

Выпью ящик водки, разругаюсь навсегда с каким-нибудь случайным собутыльником. *Ввяжусь в драку*, мне набьют рожу. В общем, всё наладится. (Вячеслав Солдатенко (Слава Сэ). Ева, 2010)

Естественно, коллокации этой модели могут существенно отличаться по степени своей употребимости, «обычности» для того или иного периода истории языка. Если для 19-го века было, очевидно, вполне приемлемо сказать:

Хоть вы и флигель-адъютант, а я простой офицер, тем не менее, я не сочту за честь *вступить* с вами *в потасовку*. (Е.А. Салиас. Аракчевский сынок, 1888)

То сегодня со словом *потасовка* «ввяжется» скорее глагол *ввязаться*:

Мне предстоит роль заводилы, а затем *в потасовку ввяжется* Рутер... (В. Скворцов. Сингапурский квартет, 2001)

При этом отметим, что по данным НКРЯ, например, для коллокаций *вступать в драку / ввязаться в драку* мы не обнаружили существенных частотных различий (21x vs. 27x).

В рамках настоящей работы мы не ставили перед собой задачу исчерпывающего описания всех аспектов возникновения и употребления

словосочетаний с глаголом *вступать / вступить*. Совершенно очевидно, что этот коллокатор способен создавать целые смысловые «ряды» более или менее устойчивых сочетаний, например: *вступать в прения / спор / обсуждение / дискуссию* vs. *вступать в разговор / беседу / диалог* vs. *вступать в соперничество / конфликт / противоречие* и т.п.

Наряду с коллокациями более общего значения этот глагол выбрали себе в партнеры многие словосочетания терминологического характера (напр., юридический язык): *вступить в силу / права / во владение / дело (на стороне истца) / брак / ... плодоношение / химическую реакцию* и т.п.

При этом данные НКРЯ позволяют зарегистрировать и массу таких словосочетаний, которые нельзя отнести к устойчивым, т.е. по определению это «свободные» словосочетания: *вступать в партию / ряды (ВТО) / вступает в трудоспособный возраст / вступает в предвыборный год / мы вступаем в новую стадию / вступать в сексуальный контакт / вступает в половую жизнь / вступать во взаимодействие* и т.п.

Но поскольку наша работа посвящена фразеологической сочетаемости, прежде чем сделать выводы, обратим внимание на следующий важный аспект подхода к проблемам коллокаций:

[...] устойчивая сочетаемость представляет собой весьма распространенное, но все же **отклонение от нормы** (выделено нами – О.Ф.), каковой мы считаем свободную семантически предсказуемую и семантически мотивированную сочетаемость. Но поскольку число устойчивых сочетаний достаточно велико (в настоящее время зарегистрировано более 10 тыс. словосочетаний, их общее число в русском литературном языке, видимо, достигает 25–30 тыс.), мы не можем рассматривать эту **аномалию** как беспричинную случайность. (Борисова 1990: 102)

Выводы, которые напрашиваются на основе ограниченного материала и фрагментарного анализа словосочетаний с глаголами *вступать/вступить* (и отчасти *впасть, ввязаться*), исходят из нашего убеждения, что разгадка тайн «феномена связанного значения» (см. выше – В.Н.Телия) весьма страдает от многочисленных попыток «навести порядок», отделить норму от аномалии и т.п. Сложнейший комплекс не только (а возможно, и не столько) семантических, но и прагматических и узуальных факторов создает то явление, которое мы называем устойчивой словосочетаемостью, и лишь частным случаем которого являются вербо-номинальные коллокации. Пока же мы не в состоянии ни «качественно», ни «количественно» оценить даже этот «частный случай». Действительно,

если постулировать для современного (литературного) русского языка наличие 45–50 тысяч глаголов, и предположить, что рядом с глаголами, неспособными вообще вступать в устойчивые коллокации, существуют и такие операторы-коллокаторы, каждый из которых «создает» минимум по 50 – 100 и более коллокаций (*брать/взять* – 66, *вызывать* – 78, *давать* – 154, *иметь* – 93, *испытывать* – 67 ... *проявлять* – 107 и т.д. – данные по словарю: Дерibas 1979), то и приведенные выше «цифры» о количестве ВСЕХ устойчивых словосочетаний русского языка кажутся весьма сомнительными. Мы убеждены, что во фразеологическом времени и пространстве проблемам изучения коллокаций должно уделяться многостороннее и пристальное внимание.

Источники и литература

- БАРАНОВ, Анатолий Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Дмитрий О., 2008: *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак
- БОРИСОВА, Елена Г., 1990: Типология составляющих пакета «устойчивые словосочетания» (Принципы отбора компонентов пакета «устойчивые словосочетания»). *Фразеология в Машинном фонде русского языка*. Москва: Наука. 89–104.
- БТС 2004 = Кузнецов, С. А. (ред.): *Большой толковый словарь русского языка*. 2004. Санкт-Петербург: НОРИНТ.
- ВИНОГРАДОВ, Виктор В., 1999: *История слов*. Москва: РАН.
- ДЕРИБАС, Василий М., 1979: *Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка*. Москва: ВЫСШАЯ ШКОЛА.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка. На сайте: <http://www.ruscorgo.ru/index.html>.
- НРФ 2003 = Мокиенко 2003 = Мокиенко, В.М.: *Новая русская фразеология*. 2003. Red. Gajdowa, K. Opole / Ополе: Университет Опольский.
- Словарь глагольной сочетаемости непредметных имен русского языка*. (О. Л. Бирюк, В. Ю. Гусев, Е. Ю. Калинина). На сайте: <http://dict.ruslang.ru/>.
- Степанова 2007 = Stěpanova, Ludmila: *Rusko-český frazeologický slovník*. 2007. Olomouc: UP.
- ТЕЛИЯ, Вероника Н., 1995: К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы. *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. ИРЯ РАН. Москва. 25–36.